

УДК 398.324

ПОТОЛОК: ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЫ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В КРЕСТЬЯНСКОМ МИКРОКОСМЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАРОДНОГО ИСКУССТВА)

Н. А. Криничная

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В мифологических воззрениях потолок осмысливается не только как граница между мирами, и прежде всего между верхним и средним (жилым) ярусами крестьянского микрокосма, но и как «предел» пребывания человека на «этом свете». Потолок и его составляющие космологизируются, одушевляются, персонифицируются. Для выявления знаков-символов, заключенных в фольклорно-архитектурном образе и закодированных в различных видах народного искусства, нами предпринято комплексное изучение этого образа. В результате обнаруживается особое место концепта «потолок» в системе представлений о жизни, смерти и судьбе.

Ключевые слова: мифологическое мировосприятие, вербальное творчество, изобразительное искусство, модель Вселенной, ярусы, граница, космологические представления, персонификация, архетип, репродуцирование.

N. A. Krinichnaya. THE CEILING: MANIFESTATIONS OF THE TOP BOUNDARY OF THE LIVING SPACE IN THE PEASANT MICROCOSM (BASED ON FOLK ART)

In mythological views the ceiling is perceived not only as the boundary between worlds, first of all between the upper and middle (living) tiers of the peasant microcosm, but also as the «limit» of the human's presence in «this world». The ceiling and its component parts are cosmologized, animated, personified. To distinguish the symbolic signs embraced in the folklore-architectural image and encoded in various kinds of folk art we undertook a comprehensive study of the image. As the result, the «ceiling» concept was found to occupy a special position in the system of ideas about life, death and fate.

Key words: mythological worldview, verbal art, visual arts, model of the Universe, tiers, boundary, cosmological ideas, personification, archetype, reproduction.

В картине упорядоченного микрокосма крестьянского жилища каждая его часть, как известно, соответствует определенной части Вселенной, основанной в данной версии на плоскостно-вертикальной трехъярусной модели. Согласно мифологическим воззрениям, крестьянский дом включает в себя верхний, средний и нижний миры. Материализованным

символом *верхнего* мира служит потолок–чердак–крыша, *среднего* – собственно изба, заключающая в себе жилое, населенное людьми пространство, *нижнего* – подклет (подполье, подызбица). Границей между средним и верхним мирами служит потолок. По своей функции в древних представлениях потолок приравнивается к полу, который в мифологическом

сознании воспринимается в качестве границы между средним и нижним мирами [см.: Байбурин, 2005. С. 207–208]. «Символизм архитектурных образов являлся естественным способом осознания мирового устройства», – справедливо отмечает А. Я. Гуревич [1972. С. 65]. И, наоборот, космос в представлениях человека традиционной культуры проецируется на жилище [Богатырев, 1971. С. 363; Цивьян, 1978. С. 72; Элиаде, 2000. С. 271–287 и др.].

Вместе с тем потолок (ранее – крыша) в своих архетипических проявлениях – это не просто граница, но граница, имеющая признаки живого существа. Это одновременно и объект, и субъект, и граница, и ее страж. Поскольку жилище уподобляется мифическому существу, зооморфному или антропоморфному [Криничная, 2001. С. 127–152], то, соответственно, потолок–чердак–крыша в архетипическом восприятии осмысливается как метонимический эквивалент этого существа либо как его часть, прежде всего основание черепа–черепа–голова.

Наша задача – «расшифровать» космологический и анимистический коды, которые заключены в мифологических представлениях о потолке, проявляющихся в различных видах народного искусства, вербального (языкового, фольклорного) и декоративно-прикладного (роспись). Мы исходим из того, что разные виды народного искусства равноподчинены действующему в них закону всеединства. При этом предполагается высветить интересующий нас фольклорно-архитектурный образ посредством выявления семантики его внетекстовых связей. В таком ракурсе концепт потолка исследуется впервые.

Потолок – это верхнее внутреннее покрытие помещения; обл. верхняя поверхность этого покрытия, обращенная к чердаку. «В общеславянском языке не существовало слова, обозначающего понятие „потолок“, по той причине, что в домах славян просто не было потолка. <...> Слово же *потолок* свойственно восточнославянским языкам; в первый раз его находим в 1704 г. в „Лексиконе“ Поликарпова», – пишет Ж. Леписье [1971. С. 170]. Тем не менее, подводя итоги многолетним археологическим исследованиям (1938–1947 г.) Старой Ладogi и выявив господствующий тип древнерусской северной деревянной избы X в., В. И. Равдоникас сообщает: «В пожарищах и среди развалов мы неоднократно находим лежащие над полом в беспорядке доски и бревна. Такие доски могли быть *только от потолка и крыши*. <...> в отдельных случаях с большой долей вероятности можно видеть в этих бревнах остатки стропил,

слег и *потолочных балок-матиц* (курсив мой. – Н. К.)» [Равдоникас, 1949. С. 18]. Из сказанного следует, что «позднее» происхождение потолка в историческом исчислении может оказаться довольно ранним.

Номинация *потолок*, по мнению лингвистов, происходит от *толочить* или *потолочь*, *потолочить*, что значит «топтать», «потоптать» [Даль, 1990. С. 357; Леписье, 1971. С. 170–174; Фасмер-III, 1987. С. 345]. В древнерусском языке *потолочити* «придавить, примять, вытоптать». В севернорусских говорах *потолочить* значит «настилать потолок». Такая этимология основывается на знании технологических приемов устройства потолка. Вместе с тем не исключено, что лексема *потолок* возникла от праслав. *тъло* «дно» [Фасмер-III, 1987. С. 345; Фасмер-IV, 1987. С. 65], точнее, от основы предложно-падежного словосочетания *по тьлу* «по дну» [Шанский и др., 1961. С. 263; Шапошников, 2010. С. 187]. В дальнейшем *тъло* преобразуется в *тло* – «основание, дно». В качестве такого *основания* и *дна* могла восприниматься внешняя поверхность потолочного покрытия, выходящая на чердак и как бы образующая его *пол*, а тем самым и нижнюю плоскость верхнего яруса крестьянского микрокосма: «Первоначальное значение потолка „тло по тлу“, т. е. *дно над дном, пол над полом*, причем *по* здесь означает не *над, сверху*, а размер, квадратное соответствие „тлу“, „полу“» [Преображенский-2, 1959. С. 116]. Тем самым исследователи истолковывают *по тьлу* как «равное полу», где *тъло* – «пол, основание, дно» (см. дотла) [Шанский и др., 1961. С. 263]. Не противоречат этим данным и последние изыскания, согласно которым *потолок* происходит от несохранившегося существительного *потоль*, что значит «пол, настил» [Шапошников, 2010. С. 187]. Кстати, соотносительность потолка с полом подтверждается и фольклорно-мифологическими материалами, о чем пойдет речь ниже.

В народных представлениях потолок деревянной избы ассоциируется с верхней границей крестьянского жилища. Не случайно в некоторых диалектах *верх* означает «потолок», а *ярус* – «потолочный настил» [Сыщиков, 2006. С. 42–43]. Причем он отчетливо отождествляется с небом: «небо – это прежде всего абсолютное воплощение верха» [Брагинская, 1982. С. 206]. Идеей подобного отождествления пронизаны, по сути, все разновидности народного искусства, вербального и изобразительного. Так, например, звездному небу потолок уподобляется в загадке: «Синие потолчины золотыми гвоздями приколочены» [Митрофанова,

1968. С. 18]. И наоборот, вселенское небо приравнивается к потолку крестьянской избы. Однако у такого потолка нет привычных конструкций: «Раскнут потолок шатром, ни срубу, ни столба, ни матицы» [Даль, 1990. С. 357]. В основе подобного восприятия лежит представление о форме неба «как шатре, шалаше, палатке, куполе, который образует стены и крышу над полом-землей, поскольку при параллелизме микро- и макрокосма мир устроен по типу дома» [Брагинская, 1982. С. 207].

С состоянием небес в их суточном цикле: в дневной и ночной, в утренней и вечерней фазах – сопоставим потолок в былинной поэзии:

На небе солнце – и в тереме солнце,
На небе месяц – и в тереме месяц,
На небе звезды – и в тереме звезды,
На небе зори – и в тереме зори:
Всё в терему по-небесному.

[Рыбников-2, 1990. С. 358]

Или:

Надъведёно же над ей-то (палатой. – Н. К.)
было красно солнышко,
Надъведёно над ей ведь был да млад
светёл месяц,
Ище зори-ти были, звёзды частыя,
Вся луна была над ей да поднебесная.
[Марков, 1901. С. 102]

В единую композицию с солнцем, луной, звездами, зорями, утренними и вечерними, подчас включается и «вся красота поднебесная» (о семантике этой эпической формулы см. подробнее: Криничная, 2011. С. 101–111).

Космогония, выраженная вербальными средствами, в интерьере крестьянской избы дублируется изобразительными мотивами. Так, например, в вельских и шенкурских деревнях Архангельской обл. экспедициями 60–80-х гг. XX в. были обнаружены росписи крестьянских изб, датированные концом XIX – началом XX в. и заключающие в себе, помимо прочего, космогонические, преимущественно солярные, знаки-символы. Речь идет прежде всего о вихреобразных или шестилепестковых *розетках*, о больших цветных (нередко красных) *ромбах*, о синих травных *завитках* или *круговых* цветочных *гирляндах*, нанесенных наряду с другими, в основном, растительными орнаментами, на потолке горницы, на подшивке свесов кровли либо свода балконного portика, над окном светелки и т. д. [Мильчик, 1991. С. 96, 99, 102–103]. К слову сказать, христианизированную трансформацию подобной «небесной» розетки можно увидеть в часовне Параскевы Пятницы (XIX в.), ныне хранящейся в Плесецком секторе Кенозерского националь-

ного парка [Шатковская и др., 2004. С. 108]. Однако в большинстве случаев до нас дошли лишь разрозненные фрагментарные сведения об аналогичных росписях. Символом солнечного/звездного неба служит и лепной узор потолка, раскрашенный в сине-желтый цвет. Он сохранился до наших дней в доме Ф. Ф. Прыгунова, построенном в поморском селе Верхняя Золотица в конце XIX в. [Пермиловская, 2005. С. 157]. Роспись потолка светлицы («вышки») в виде звездного неба зафиксирована в 20-е гг. XX в. в заонежской деревне Космозеро, в доме Сотниковых [Большева, 1927. С. 50]. «Палатное письмо имеет смысл: / *Небесными* *кругами* (курсив мой. – Н. К.) украшают / Подписчики в палатах потолка / *Высоки...*» – так расшифровывает смысл наиболее распространенных на подволоке росписей знаток традиционного русского быта А. Н. Островский. И действительно, розетки, круги («круговые цветочные гирлянды», «травные завитки») – устойчивые солярные знаки, которыми маркируется потолок крестьянской горницы, моделируется ее небесный свод. «Система орнаментальных кругов в их мерном и повторном чередовании есть символически-художественное выражение чередующихся дней, повторяющихся восходов, течений и заходов солнечных», – отмечает исследователь крестьянского искусства В. С. Воронов [1925. С. 13]. Подобные круги, розетки, диски в посленеолитическом искусстве Европы являлись, по мнению А. Голана, символом солнца, сохраняя в ряде случаев свое прежнее значение символа неба и в эпоху бронзы [Голан, 1994. С. 22]. Все остальные мотивы декоративной живописи в деревенских хоромах можно, по-видимому, отнести к наглядному выражению «всей красоты поднебесной». В эту космогоническую композицию вплетаются изображения мифических растений. Их продуцирующая вегетативная сила символизирует неиссякаемое плодородие, плодовитость, непрерывный круговорот в природе и социуме. Заметим, что восприятие потолка в качестве домашнего небосвода характерно и для западноевропейского искусства. Об этом, в частности, свидетельствует описание верхней части палаты в древнем французском сказании о хождении Карла Великого в Иерусалим и Константинополь. Согласно этому сказанию, верх палаты представляет форму и образ неба, с солнцем, луной и звездами, которые загораются всякий раз в соответствии с временем года [Веселовский, 1884. С. 386].

Иногда знаки-символы «небес» как бы выносятся за пределы жилого пространства. Они оказываются уже снаружи, в экстерьере, рас-

кривая космогонический смысл верхнего яруса постройки. Многоцветная роспись наносилась на плоские поверхности, затянутые тесом: на фронтоны домов, на внутреннюю сторону обшивки свесов крыши, на фронтоны мезонинов, на обшивку нижней части мезонинов и балконов [Чижикова, 1970. С. 52; Дмитриева, 2006. С. 210–214]. Изображения звездного неба и солнца под крышей на фронтонах крестьянских домов еще недавно встречались в каргопольских и коневских деревнях [Пермиловская, 2005. С. 44–45]. В вельских и шенкурских деревнях попадались избы, на фронтоне которых, в центре, изображалась шестилепестковая розетка, аналогичная тем, которые были обычными в народном декоративном искусстве Восточной Европы, равно как и в искусстве древнего Средиземноморья [Голан, 1994. С. 23]. В рассматриваемой севернорусской традиции она нередко включалась в композицию, состоящую из четырех вазонов с цветущими растениями, расположенными по ее углам [Мильчик, 1991. С. 98]. Центральная розетка на фронтоне, по сути, дублирующая изображение на потолке и находящая соответствие в народной вышивке, также осмыслялась в качестве солярно-вегетативного знака-символа. Причем сами очертания фронтона воспринимались как небосвод. Одним словом, в росписи интерьера и экстерьера крестьянской избы фигурировали, помимо прочих образов, всё те же завитки травного орнамента (нередко синего цвета), всё те же розетки, шестилепестковые и вихреобразные, а также большие цветные, и прежде всего красные, ромбы – эквиваленты круговых форм [см.: Мильчик, 1991. С. 96, 98–99].

«Термин „небо“ приобрел на Севере буквальный смысл и понимание. Потолок деревянного храма трактуется как картина подлинного неба», – пишет Т. М. Кольцова [Кольцова, 1989. С. 11. См. также: Гнедовский, 1974. С. 126, 129; Витухновская, 1981. С. 52–53; Фролова, 2008]. Сам каркас его пирамидальной конструкции, закрытый треугольными досками, напоминает солнце с расходящимися лучами. На голубом, иногда звездном, фоне, ассоциируемом с небесами, изображаются Христос, Богородица, апостолы, святые, херувимы, архангелы; на них сверху струится золотистый свет [Кольцова, 1993. С. 93–96; Шатковская и др., 2004. С. 57, 69–70, 73, 103, 108; Пермиловская, 2005. С. 44]. При подобном восприятии и наименовании избыного бревенчатого потолка *круглым* [Сыщиков, 2006. С. 42], зафиксированное на Среднем Урале, выглядит отнюдь не случайным. В этих космо-

логических представлениях не могла не проявиться память о древнем сводчатом потолке, некогда составляющем с крышей нерасчлененное единство [см.: Бломквист, 1956. С. 79–80; Бартенев, 1964. С. 236].

Космогонические элементы, со временем преодоленные в изображении «неба», локализованного внутри помещения, подчас сохраняются в наружной росписи церкви. Очертания звезд на голубом фоне нам доводилось видеть на главках каменных храмов и в росписи потолка церковного трехмаршевого крыльца деревянного храма в с. Лядины Каргопольского р-на Архангельской обл.

Такого рода декором, с одной стороны, маркировалась включенность постройки в мироздание; с другой стороны, это были знаки проявления макрокосма в микрокосме крестьянских хором и храмов, посредством которых человек приобщал себя к ритмам мироздания [см.: Рыбаков, 1975. С. 30, 41–42]. В результате наделенный символическим смыслом, а иногда и магическим значением, орнамент в архитектуре древности и сам по себе рассматривался как необходимый функциональный элемент здания [Иконников, 1966. С. 139].

Воспринимаемый в качестве небес, потолок сакрализуется. По свидетельству памятников древнерусской литературы, он, подобно иконе, может даже мироточить. Вот как об этом говорится в «Хождении купца Василия Позняка по святым местам Востока 1558–1561 гг.»: «<...> и в той кельи ис потолка исходит миро мякко, яко мука ладанная, бело, и то миро дают старцы вместо мощей для благословения христианом» [Хождение..., 1887. С. 61].

Локализованное в крестьянских хорах и храмах «небо»-потолок в мифологическом сознании одухотворяется и персонифицируется. И тем не менее оно рукотворно. Доведя сруб до желаемой высоты, которая в жилом помещении на подклете колеблется, по карельским материалам, в пределах 3,2–3,75 м, а в некоторых топящихся по-черному избах достигает 4,2 м [Габе, 1941. С. 42], плотники укладывают подгнетный черепной венец из более толстых бревен, чем нижележащие. В качестве опоры для потолка в целом и для каждой из потолочин в частности они врубают параллельно переводинам пола несущий брус, выразительно названный *матицей*. Конструкция потолка с центральной балкой-матицей восходит по крайней мере к XVII в.: во всяком случае, такая традиция зафиксирована в 1622 г. неподалеку от Великого Устюга [Рабинович, 1975. С. 220–221].

Потолок/потолочины, как и пол/половицы или мост/мостовины, в мифологическом миро-

восприятию отождествляются. Не случайно в севернорусских говорах *потолочины* нередко называются *половицами* [СРГК и СО, 2002. С. 56] либо *мостовичинами* [Сыщиков, 2006. С. 44]. Соответственно в некоторых местностях потолок называют *верхним полом* [СРНГ, 1969. С. 160], а нижний ряд потолочин в двухслойном потолке – *белым полом* [Сыщиков, 2006. С. 43]. Мало того, в различных индоевропейских языках лексема *потолок* оказывается в едином семантическом поле вместе с однокоренными словами со значением «пол», «доска, половица», равно как и «земля», «плоскость» [Фасмер-III, 1987. С. 345]. В загадках же потолок и пол не только отождествляются, но и персонафицируются, наделяясь то зооморфным, то антропоморфным обликом: «Два быка бодутся, в одно место не сойдутся» [Мельц и др., 1961. № 428]; «Два братца видятся, а не целуются» [НА КарНЦ РАН. 142. № 338. – Медвежьегорск., 1980 г.]; «Дарья да Марья видятся, но не целуются» [Там же. № 55]; «Кум с кумой видятся, а близко не сходятся» [Мельц и др., 1961. № 429]. Показательно, что в некоторых загадках *потолок* и *пол* соответствуют *небу* и *земле*. Так, отгадкой к загадке «Два быка бодутся – вместе не сойдутся» [Митрофанова, 1968. С. 18. Ср. со с. 97] может служить и та и другая семантическая пара: потолок – пол, небо – земля. Соотнесенность потолка с полом представлена в некоторых приведенных загадках как кровное или духовное родство. В мифологических же рассказах взаимосвязь потолка и пола/моста обозначена посредством изображения синхронности происходящих в том и другом локусе мистических проявлений, определяемых в динамических и акустических категориях: «Вдруг в бане всё ходуном заходило, начали ворочать *мост* под ногами, *на потолке* (курсив мой. – Н. К.) тоже застучали» [НА КарНЦ РАН. 32. № 77. – Беломорск., 1937 г.]. Немаловажно, что потолок и пол соответствуют друг другу и в конструктивном отношении. В старинных избах используемые для потолочин горбыли, т. е. бревна, расколотые клиньями вдоль пополам, укладываются плоской стороной вниз, тогда как для половиц – плоской стороной вверх. Причем потолочины кладут длиной во всю избу или от задней стены – до матицы и от матицы – до передней стены [Бломквист, 1956. С. 78–79]. При этом, подобно всему потолку, одушевляется и персонафицируется каждая из потолочин, что подтверждается, например, загадками, бытовавшими в вологодских деревнях: «Сорок братьев на одном изголовье лежат»; «Сорок братцев на одной подушке спят» [Мельц и др., 1961. № 426–427]. Со-

гласно мифологическому мировосприятию, такие «потолочины», абсолютно равные между собой, находятся в кровнородственных отношениях не только друг с другом, но и с «матицей»: «Семьдесят семь Семёнов – одна мать Матрёна» [Митрофанова, 1968. С. 97]. Сам технологический процесс символизирует такое единство. Уложив потолочины на матицу, плотники скрепляют их известными способами. Промазав щели между потолочинами глиной, строители заливают образовавшуюся поверхность раствором из глины и песка. Засыпав эту поверхность слоем листьев и мха, они наваливают на потолок слой земли. Последний, как и пол, может быть двойным. *Чёрный* потолок, изготовленный из массивных горбылей или бревенчатого наката, кладут на матицу и засыпают землей (матица остается снаружи) [Бломквист, 1956. С. 78–79]. В этом свете неудивительно, что латинск. *tellus*, однокоренное с русск. *потолок*, означает «земля, почва» [Фасмер-III, 1987. С. 345]. *Чистый* потолок подшивают снизу гвоздями к стенам и матице, которую закрывают тесом.

Знаковая сущность этой вполне материальной структурно-планировочной составляющей крестьянского жилища раскрывается в мифологических рассказах, верованиях, обрядах. В них потолок осмысливается не только как граница между мирами, но и как *верхний предел* пребывания человека на «этом свете». По-видимому, на потолок в свое время были отчасти перенесены мифологические представления о древнем покрытии жилища, которое было одновременно и крышей, и потолком. О тождестве их восприятия в фольклорном сознании свидетельствует, в частности, поговорка: «Всякая изба своим потолком крыта, своей крышей повершена» [Даль, 1990. С. 357].

Согласно поверьям, именно под потолком, в переднем углу, на иконе, задерживается на какое-то время душа, прежде чем вылететь из жилища, а вынутая из потолка потолочина или просто тесина (варианты: «три потолочины», «девятая потолочина») облегчает выход души из тела: «„А сделай, – говорит, – *потолочину* открой над ее (колдуньи. – Н. К.) кроватью, где она спит. И она недолго проживёт“. И в действительности, значит, он *потолочину* открыл, когда она спала, и недолго она померла» [НА КарНЦ РАН. 136. № 178. – Прионежск., 1977 г.]; «Он (колдун. – Н. К.) умирал трое суток, на крик кричал: ему не умереть было. Потом сказал кто-то, что надо *три половицы* (т. е. *три потолочины*. – Н. К.) с потолка вытащить. Вытащили – он и умер» [СРГК и СО, 2002. С. 56]; «Надоумили семейных вынуть *девятую*

потолочину (курсив в цитатах мой. – Н. К.) – и колдун умер» [Смирнов, 1922. С. 74]. Если ранее предполагалось, что через отверстие в потолке, семантически приравненное к потолочному дымоволоку и даже просто к отверстию для выхода дыма из древнего жилища, на небеса отправляется в соответствии с обрядом кремации душа каждого умершего сородича, то позднее, по мере трансформации этих представлений, такая участь постигает лишь душу колдуна. Эсхатологический мотив отделения души от тела сопоставим в рамках крестьянского микрокосма с универсальным актом ухода ее на небо. Соответственно сон, в котором привиделась упавшая потолочина, предвещает смерть: «А у меня – перед мужем (перед смертью мужа. – Н. К.) – так потолочина упала. Тоже во сне» [НА КарНЦ РАН. 109. № 65. – Беломорск., 1977 г.]. Характерно, что символика смерти – в данном случае смертельной опасности – сохраняется за потолочиной даже в частушке – жанре, как известно, позднем: «Пал, пал потолок, / Пала потолочина. / Уходи, моя милая, / Пока не колочена!» [Власова, Горелов, 1965. № 1872]. Аналогичную семантику имеют и половицы, связанные, однако, уже не с верхним, а с нижним миром.

Потолочина, как и половица либо мостовина, в народных воззрениях символизирует дорогу-судьбу того или иного члена семейно-родовой общины, живущей под одной крышей, а значит, и под одним потолком [ср. с поговоркой: «Под одним потолком жить, не руками разводиться». – Даль, 1990. С. 357]. Именно поэтому потолочина часто используется в мантических обрядах. Так, например, считая «пёклом» – деревянной лопатой, которой сажают хлебы в печь, каждую из потолочин со словами «пришёл – вышел» или «молодец – вдовец», гадающая узнаёт, выйдет ли она замуж, а если выйдет, то за кого: за парня или за вдовца [Кофырин, 1900. С. 2]. Причем «пёкло» изображается как атрибут некоего синкретического существа, связанного, с одной стороны, с домашним очагом, а с другой – с лесом, деревом. Известна и иная версия гадания, где магическая роль приписывается потолку. Девушка моет одну из потолочин, под которой обычно спит. При этом она приглашает суженого-ряженого «на чистой потолок глядеть». Гадающая верит, что во сне увидит суженого, пришедшего посмотреть на потолок [Смирнов, 1927. С. 56].

Согласно народному мировосприятию, каждая структурно-планировочная часть избы, в том числе и потолок, служит метонимическим эквивалентом всего жилища, являясь своего рода репликой целого. «Под чужой потолок

подведут и другое имя дадут», – говорят крестьяне, отдавая девушку замуж [Даль, 1990. С. 357]. При этом каждая структурно-планировочная составляющая соответствует определенной части человеческого тела (изначально – тела почитаемого животного либо плоти растения). В этом смысле потолок воспринимается мифологическим сознанием как основание черепа одушевляемого жилища, тогда как чердак и крыша – соответственно – как его череп и голова. Отсюда ведет начало традиция использования архитектурных категорий для характеристики состояния человеческой головы, в данном случае глупой или хмельной, что нашло свое выражение преимущественно в пословицах и поговорках: «Крышей покрыто, да потолка нет»; «Сверху покрыто, да не подволочено»; «У него под потолок подошло» [Даль, 1990. С. 357].

Одушевленность же жилища служит проявлением древних анимистических верований, согласно которым в каждой его части, равно как и в деревянных изделиях бытового назначения, продолжают обитать духи деревьев, срубленных для строительства избы либо для изготовления домашней утвари. Она же обусловлена и культом предков, начиная с тотемного, что, в частности, обнаруживается в обряде принесения строительной жертвы. Подобные верования соотносятся с рассказами крестьян о том, что кто-то, являясь по ночам, бьет палкой по потолку и стенам [Георгиевский, 1890. С. 733] и как бы учреждает свое господство в жилом пространстве, ограничивая его посредством своей динамической и акустической энергии как по вертикали (потолок), так и по горизонтали (стены). Признаки близкого присутствия некой мифической силы обнаруживаются и в звуках загадочного хождения по потолку (под ним в данном случае подразумевается поверхность этого покрытия, образующая пол чердака): «Я у Андрея жила. У них *по потолку* там ходило пугало <...>. Как токо вечер, и *по потолку* (курсив мой. – Н. К.) как будто там, прости Господи, леший ходит. Вот ходит и ходит, и колотит» [НА КарНЦ РАН. 184. № 65. – Пудожск., 1977 г.]. Номинация же «леший» может интерпретироваться как *родовое* понятие, обозначающее всех мифических существ. И тем не менее не исключено, что здесь используется понятие *видовое*. В таком случае под «лешим» подразумеваются духи деревьев, перешедшие из леса в жилище вместе с возведением сруба и теперь таинственным образом влияющие на судьбы его обитателей. Присутствием же в жилом пространстве мифического «мужика», возвышающегося до самого потолка

[НА КарНЦ РАН. 181. № 68. – Медвежьегорск., 1988 г.], подобно антропоморфному деревянному столбу либо мировому дереву, подпирающему постройку, фактически маркируется все жилище.

Рассмотренные представления о потолке соотносятся с соответствующим воззрением на устройство Вселенной, где «на опоры (в центре мира или по четырем его углам) положен „потолок“ в виде плиты или свода» [Брагинская, 1982. С. 207]. Вместе с тем потолок осмысливается как часть одушевленного, со временем антропоморфизированного существа, каким некогда воспринималась крестьянская изба в качестве уменьшенной копии одухотворенной Вселенной.

Литература

- Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Изд. 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
- Бартенев И. А.* Основы архитектурных знаний для художников. М.: Искусство, 1964. 243 с.
- Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 3–458 (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXI).
- Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
- Большева К. А.* Крестьянская живопись Заонежья // Крестьянское искусство СССР. Ч. 1: Искусство Севера. Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 50–61.
- Брагинская Н. В.* Небо // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 206–208.
- Веселовский А. Н. И. Жданов.* Из литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881 // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 231. Февраль. С. 359–396.
- Витухновская М. А.* «Небеса» Заонежья: Классификация и ареалы // Местные традиции материальной и духовной культуры: Тез. докл. Петрозаводск: КФ АН СССР, Союз композиторов КАССР, 1981. С. 52–53.
- Власова З. И., Горелов А. А.* Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. М.: Наука, 1965. 496 с.
- Воронов В. С.* Народная резьба. М.: Госиздат, 1925. 34 с.
- Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество. М.: Гос. архитектурное изд-во Академии архитектуры СССР, 1941. 215 с.
- Георгиевский М. Д.* Из народной жизни // Олонечкие губернские ведомости. 1890. № 76. Неофициальная часть. С. 773–774. Вся статья: № 72–79.
- Гнедовский Б. А.* К вопросу о происхождении перекрытия «небом» в древнерусском зодчестве // Культура средневековой Руси: Сб. статей в честь 70-летия М. К. Каргера. Л.: Наука, 1974. С. 126–130.
- Голан А.* Миф и символ. Изд. 2-е. М.: Русслит, 1994. 375 с.
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1990. Т. 3. 556 с.
- Дмитриева С. И.* Традиционное искусство русских Европейского Севера: этнографический альбом. М.: Наука, 2006. 286 с.
- Иконников А. В.* Эстетические проблемы массового жилищного строительства. Л.: Стройиздат, 1966. 459 с.
- Кольцова Т. М.* «Небо» и его росписи в деревянных культовых памятниках Русского Севера: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л.: Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, 1989. 21 с.
- Кольцова Т. М.* Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск: РАН. Рус. геогр. об-во, Арх. филиал, 1993. 111 с.
- Кофырин Н.* Суеверия крестьян села Песчаного Пудожского уезда // Олонечкие губернские ведомости. 1900. № 134. Неофициальная часть. С. 2. Вся статья: № 100–138.
- Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. 584 с.
- Криничная Н. А.* «Всё в терему по-небесному...»: к семантике эпической формулы // Классический фольклор сегодня: Материалы конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. Б. Н. Путилова. С.-Петербург, 14–17 сент. 2009 г. СПб.: Дм. Буланин, 2011. С. 101–111.
- Леписье Ж.* Этимология русск. *потолок* // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 170–174.
- Марков А.* Беломорские былины, записанные А. Марковым с предисловием В. Ф. Миллера. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. XIII, 618 с.
- Мельц М. Я., Митрофанова В. В., Шаповалова Г. Г.* Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 289 с.
- Мильчик М. И.* Дома с росписью мастеров Петровских в Поважье // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск: ПетрГУ, 1991. С. 90–103.
- Митрофанова В. В.* Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 255 с.
- Научный архив* Карельского научного центра РАН (в тексте – НА КарНЦ РАН). Фонд 1. Опись 1. Последующие цифры обозначают номер коллекции и номер текста в ней.
- Пермиловская А. Б.* Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск: Правда Севера, 2005. 312 с.
- Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1959. Т. 2. 416 с.
- Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 156–244.

Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // Советская археология. 1949. XI. С. 5–54.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.

Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Изд. 3-е. Петрозаводск: Карелия, 1990. Т. 2. 640 с.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6-ти вып. (в тексте – СРГК и СО). СПб.: СПбГУ, 2002. Вып. 5. 664 с.

Словарь русских народных говоров (в тексте – СРНГ). Л.: Наука, 1969. Вып. 4. 357 с.

Смирнов В. Народные гаданья Костромского края (очерк и тексты) // Четвертый этнографический сборник: Тр. Костромского науч. об-ва по изучению местного края. Кострома, 1927. Вып. ХLI. С. 17–91.

Смирнов М. И. Сказки и песни Переславль-Залесского уезда. М.: Цустран, 1922. 98 с.

Сыщиков А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства: Материалы к словарю. СПб.: СПбГУ, 2006. 292 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 1987. Т. III. 832 с.; Т. IV. 864 с.

Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья: Иконы из собрания музея-заповедника «Кижы». Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижы», 2008. 166 с.

Хождение купца Василия Позняка по святым местам Востока 1558–1561 гг. / Под ред. Х. М. Лопарёва // Православный палестинский сборник. СПб., 1887. Т. VI. Вып. 3. С. 1–106.

Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам: Семиотика культуры. Тарту, 1978. X. С. 65–85 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 463).

Чижикова Л. Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1970. С. 7–60.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. М.: Учпедгиз, 1961. 403 с.

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М.: Флинта, Наука, 2010. Т. 2. 576 с.

Шатковская Е. Ф. и др. Кенозерский национальный парк: краткий путеводитель / Автор текста Е. Ф. Шатковская и др. Архангельск: М'арт, 2004. 168 с.

Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Избр. соч. / Пер. с франц. М.: Ладомир, 2000. С. 251–356.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Криничная Неонила Артемовна

главный научный сотрудник, д. филол. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: vmp@sampo.ru
тел.: (8142) 562742

Krinichnaya, Neonila

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: vmp@sampo.ru
tel.: (8142) 562742